

© 2000 г., ЭО, № 2

Белорусы / Отв. ред. В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. Серия «Народы и культуры». М., 1998. 503 с., ил.

Рецензируемая книга, выпущенная в свет под грифами Института этнологии и антропологии РАН и Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси – второй том новой академической серии «Народы и культуры», основанной российскими этнологами в 1992 г.¹

Серия задумывалась как совместная работа «большого коллектива ученых, представляющих многие научные центры России и других новых независимых государств» (с. 5). Данный том целиком подготовлен сотрудниками Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси: В.К. Бондарчиком, В.Н. Белявиной, Н.И. Бураковской, Г.И. Касперович, А.Н. Курилович, Т.И. Кухаронак, А.И. Локотко, С.В. Матюниным, А.И. Микуличем, Л.И. Минько, Л.А. Молчановой, Л.В. Раковой, И.И. Саливон, Е.М. Сахута, С.Ф. Терехиным, В.С. Титовым, А.С. Федосиком, И.В. Чаквиным. Представленную монографию можно рассматривать как творческий итог многолетней работы белорусских этнографов, уже отраженный ими в ряде обобщающих трудов последних лет, среди которых прежде всего выделяется прекрасно изданная энциклопедия «Этнография Беларуси»². Совершенно очевидно, что и настоящее исследование станет достойным посредником в знакомстве самых широких читательских слоев, включая и специалистов-гуманитариев, с Беларуссией и белорусским народом. Принципиально важно также, что книга эта на сегодняшний день в значительной степени заполняет вакуум этно- и историко-культурной информации о белорусах, имеющийся в России.

Оценивая труд минских коллег в целом положительно, нельзя не отметить и некоторые наиболее существенные его недостатки. Прежде всего это касается явной незавершенности в отображении богатой духовной культуры белорусов. В наше время именно эта сторона человеческой культуры привлекает все большее внимание, и не совсем понятно, почему ей отказано, казалось бы, в очевидной приоритетности. Более того, культура религиозная практически не получила в книге достойного освещения. В отношении белорусов подобное «умолчание» едва ли вообще возможно, так как именно в их среде наряду с яркими проявлениями языческой архаики, что постоянно подчеркивается мировым научным сообществом на протяжении уже почти двух столетий, сосуществуют два основных христианских лагеря – православных и католиков, а также достаточно многочисленные протестантские группы, отдельные из которых, кстати, ведут свою родословную от различных движений времен Реформации. Образно говоря, именно здесь проходит культурная граница востока и запада Европы, что существеннейшим, а в некоторых моментах определяющим образом сказалось на облике белорусов, их истории. Нельзя забывать и о том, что именно на территории современной Беларуссии, в Бресте получило развитие религиозное направление, называемое ныне чаще греко-католицизмом, последователи которого – униаты – в наше время появились в республике вновь, правда в весьма незначительном числе. Сама же униатская церковь, существовавшая на белорусских землях с 1596 по 1839 г., в течение двух веков занимала здесь фактически главенствующее положение. Возрождение в Беларуссии униатства в самые последние годы и его распространение среди некоторой части интеллигенции, озабоченной поиском «национальных корней», весьма симптоматично. В основном оно связано с декларированием пограничности, порубежности культуры Беларуссии, ее местом между Востоком и Западом, в чем заключается специфичность, особенность, обособленность этой страны.

Еще более внутренне контрастна доктрина белорусов-католиков, национально-культурное движение (а правильнее движения) которых серьезно пока не изучалось, хотя вопрос об их существовании в той или иной форме поднимался с большим или меньшим постоянством на протяжении полутора столетия и особенно обострился в XX в. Белорусы-католики живут преимущественно в самой Беларуссии (несколько сот тысяч человек), Литве и Подляшском воеводстве Польши, где они постепенно сливаются с польским населением. Кстати, именно этот, достаточно обширный подляшский район О.Н. Трубачев называет «этнографическим рубежом»: «... слависты разных специальностей не хотят видеть капитального препятствия, стоящего на пути их умозрительных рассуждений: этнографического рубежа на Северо-Востоке Польши»³. Подляшский

рубеж не только этнический, но и конфессиональный, этноконфессиональный. Здесь проходит крайняя западная граница расположения коренных поселений белорусов-католиков и белорусов-православных, занимающих территорию на десятки километров к северу, югу и западу от г. Белостока⁴. И если современный молодой белорусский культуролог С. Санько пишет как об очевидном, что «Уния на Беларуси так и не принесла исторического успеха»⁵, то здесь, на Подляшье, до сих пор отчетливо видна вся сложность вековых восточнославянских национально-культурных борений, связанных не только с миром *Slavia Romana*, но и *Mundus Latina* вообще. Неслучайно все это в той или иной мере и по сей день влияет на процесс самоопределения у белорусов Польши, в чем в последние годы также пытаются разобраться ученые России и Польши⁶.

Белорусы-католики не только особая, но и весьма трудная тема для этнолога. До сегодняшнего дня подобные материалы специально почти не собирались и все, что было накоплено до сих пор, слишком незначительно. Не можем не сослаться на источники по истории белорусов-католиков, которые были известны в 1930-е годы одному из виднейших деятелей белорусского национального движения и костела в межвоенной Польше ксендзу Адаму Станкевичу⁷. По сути то немного, что собрал он тогда, сейчас является своего рода специальной, правда, уже далеко не единственной, источниковой основой этой все еще новой и во всех отношениях принципиально важной для белорусской науки темы. Подтверждений тому можно привести множество, но, пожалуй, один из самых ярких примеров – не прекращающиеся споры о поэте Адаме Мицкевиче – уроженце центральной Белоруссии, «поляке не по крови»⁸. Противоположный пример – все связанное с ролью католицизма в судьбе классика белорусской литературы Янки Купалы, жившего столетием позднее.

Следует сказать, что в отличие от тома «Белорусы» в томе «Русские» духовной культуре отведено значительно больше места. В конце книги есть и особая, достаточно объемная глава «Духовная культура» (с. 647–759), где речь в основном идет о духовно-нравственных идеалах, религиозной вере и «национальном сознании». Правда, рубрикация этой главы и ее наполнение едва ли смогут удовлетворить теперь даже и не столь уж дотошного читателя, что, вероятно, объясняется все еще слабой разработанностью данной тематики у нас в России. Подобное положение несколько исправляется с выходом в свет энциклопедии «Народы и религии мира» (М., 1999). Но факт остается фактом: область духовной культуры во всей ее совокупности, пространственно и структурно воспринимаемой и понимаемой нами весьма неоднозначно, требует гораздо большего внимания ученых. Не в последнюю очередь входит сюда в качестве составляющей и культура идей, «идейная культура», изучение которой весьма плодотворно и для этнолога, особенно если речь заходит о так называемых национальных идеях, в том числе и белорусской.

Очень важное отличие тома «Русские» от тома «Белорусы» – наличие в первом двух самостоятельных, правда, очень небольших по объему, глав «Русские диалекты» (с. 80–106) и «Этнографические группы русского народа» (с. 107–123). Ничего подобного нет в томе «Белорусы», и это тем более странно, что лингвистами, например, накоплен колоссальный материал, выпущено в свет огромное число всевозможных работ, включая различные специальные атласы. Конечно же, сложнее с конкретным изучением тех или иных этнографических групп, однако это не может быть основанием для отсутствия в подобном монографическом исследовании хотя бы кратких, но все же особо выделенных сведений о таких группах. Не секрет, что наиболее интересно в этом отношении белорусское Полесье, до сих пор привлекающее внимание ученых всего мира⁹.

Во вступлении к тому «Белорусы», который один из его главных авторов считает «обобщающим»¹⁰, директор Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси М.Ф. Пилипенко говорит о том, что в нем «освещены не все вопросы, касающиеся этнографической характеристики белорусского народа» (с. 6); в частности, в нем «мало сведений о ... политической истории», «этнологические исследования этих проблем только начинаются». Тем не менее самый краткий, абрисный очерк такой истории мог бы быть уже написан. И ведь сам М.Ф. Пилипенко был недалек от подобной попытки¹¹. Стоит ли говорить об основывающихся на анализе огромного материала, активизировавшихся в самое последнее время работах белорусских исследователей под руководством В.А. Круталевича¹², выводы которых не могут не учитываться историками, этнологами и этнографами.

Кстати, об «этнологии» и «этнографии» – терминах, которые все еще и у нас в России, а чаще в Белоруссии выступают в качестве синонимов. Чрезвычайно характерен в этом отношении очередной, третий, только что увидевший свет выпуск многотомной серии «Беларусы», издающейся Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, «История этнологического изучения», автором которого является В.К. Бондарчик¹³. Во введении к выпуску он констатирует, что «этнология ... как

специализированная область исторической науки изучает этносы – народы, их культуру и быт от древнейших времен до наших дней¹⁴. Такое же, слово в слово, определение давалось им и этнографии в энциклопедии «Этнография Беларуси», увидевшей свет 10 лет назад¹⁵. Едва ли здесь будет достаточной помощью М.Ф. Пилипенко, писавшего в той же энциклопедии, что «в советской научной литературе термин "этнология" применяется редко и используется в качестве синонима этнографии как единой науки – теоретической и описательной»¹⁶. Что-то ведь все же произошло и, вероятно, это «что-то» немалое. За 10 последних лет в наших социогуманитарных науках стали быстро внедряться новые методы исследования, прежде всего аналитические. В «народоведении» изменения шли и все еще происходят так сказать под девизом «от этнографии к этнологии», этнографический подход старой школы во многом сменяется этнологическим. Процесс этот, далеко не всегда безболезненный, нередко носит трансформационный характер, когда сочетаются достижения отечественного прошлого с попытками применить новое, пусть и не всегда до конца удачно. Это особенность настоящего момента, переходного времени, и важно, не растратив старого, привести в наше традиционное «народоведение» новое, в том числе осваивая достижения и методы западной этнологии, что сейчас усиленно стремятся делать некоторые молодые белорусские ученые, правда, порой бесосновательно отрицая ценность сделанного их предшественниками и старшими современниками.

В обобщающих работах всегда интересна приложенная библиография, литературные источники, на которые даются ссылки. Не исключение и тома «Белорусы» и «Русские». Конечно же, всем авторам свойственна избирательность, субъективность в подборе источников, но все-таки, если предпочтение отдано работам случайным, порой просто любительским, а не серьезным трудам, получившим всестороннее признание, это вызывает недоумение и сомнение. При чтении «Белорусов» подобных моментов возникает немало. Вот, например, на с. 29 при освещении вопросов языкового пространства Великого княжества Литовского дается ссылка на популярную книгу журналиста А.И. Анушкина. Неужели автору этого раздела не известны профессиональные аналитические исследования на эту тему, в том числе и самых последних лет? Особенно так начинаешь думать, когда знакомишься с латинографичной частью раздела «Литература», где не указаны многие принципиально важные зарубежные исследования.

Впрочем, есть отрицательные примеры и несколько иного рода, связанные так сказать с не совсем адекватным использованием зарубежной литературы, в том числе, как ни странно, и близкой по проблематике польской. В главе «Традиционная сельскохозяйственная и промысловая культура», где речь идет о бортничестве (с. 178), читаем: «Городские и местечковые бортники в XVI–XVIII вв. объединялись в медовые братства и бортные цеха, имеющие свой устав, денежный фонд ("скарбонка"), знамя ("пратэса") и печать. Корпоративные объединения бортников защищали социальную и профессиональную свободу своих членов, стояли на страже их прав и интересов, регламентировали внутреннюю жизнь братств и цехов». Хочется спросить авторов этих слов: откуда они все это взяли? Брошюра В.С. Гуркова и С.Ф. Терёхина «Бортничество в Белоруссии» (Минск, 1980), содержание которой затем вошло в книгу тех же авторов «Занятие издревле благородное» (Минск, 1987), тут плохое подспорье, ибо, опираясь на польские исследования, касающиеся почти исключительно коренных польских этнических территорий (Короны), авторы переносят приведенные там выводы и наблюдения и на белорусские земли Великого княжества Литовского.

Очень спорны в «Белорусах» отдельные утверждения, связанные с отображением этнической истории. Ну разве можно в одном ряду рассматривать (с. 71–72) оригинальные произведения, созданные на территории нынешней Белоруссии в эпоху Средневековья и новозаветные переводные тексты, созданные к тому же точно неизвестно где, но совсем не на белорусских землях («Юрьевское евангелие» XII в.). Не менее заметен и вывод, касающийся века XIX: «В самой же Белоруссии сознательная белорусская демократическая интеллигенция объединилась вокруг издания "Мужыцкая прада" К. Калиновского» (с. 108). Тот, кто знает, о каком эпизоде белорусской истории идет речь, несомненно, задаст множество недоуменных вопросов: какая интеллигенция? какое объединение? и т.д. В то же время в разделе, посвященном XX столетию, ничего не сказано о таком судьбоносном для белорусского этноса явлении, как бегенство 1915–1920-х годов, охватившем миллионы людей. Почему?

Нам показалось не слишком закономерным включение в том «Белорусы» завершающей главы «Профессиональная культура». Нужна ли, уместна ли в подобном труде информация, например, о профессиональной литературе, когда отсутствуют какие-либо сведения о современной белорусской народной литературе, в том числе и массовой рукописной. Последняя существует и даже успешно развивается, в том числе и у белорусов Польши¹⁷.

Сравнивая оба первых тома серии «Народы и культуры», убеждаешься в необходимости совершенствования и значительного дополнения их научно-справочного аппарата, прежде всего поисковой системы.

системы указателей, полное отсутствие которых в обеих книгах значительно снижает их ценность. Необходимо было бы снабдить эти издания как минимум именным, географическим и предметно-тематическим указателями, при наличии которых подобные труды станут к тому же своего рода энциклопедиями, в которых можно быстро найти ответы на наиболее важные вопросы. Хотелось бы видеть в этих изданиях и большее число специального картографического материала, причем оригинального, созданного в процессе подготовки данного труда.

Опубликованные на исходе XX столетия коллективные монографии «Русские» и «Белорусы» являются не только итогом развития отечественной этнографической науки советского периода, но и, что в большей степени касается российской стороны¹⁸, постсоветского в его первое десятилетие. Все тот же девиз «от этнографии к этнологии» здесь еще очень ощутим. Это переходное время, но и оно имеет свои достижения. Одно из них – новая академическая серия «Народы и культуры» и ее первые тома «Русские» и «Белорусы».

Примечания

¹ Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 1997. 828 с., ил.: 2-е изд. М., 1999.

² Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя. Мінск, 1989.

³ Цит. по: *Трубачев О.Н.* Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Славянское языкознание. XII междунар. съезд славистов. Краков, 1998 г. Докл. российской делегации. М., 1998. С. 21.

⁴ См.: *Atlas gwar wschodnioślōwiańskich Białostoczczyzny*. Т. 1. Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1980.

⁵ *Санько С.* Штудыі з кагнітыўнай культуралёгіі. Менск, 1998. С. 186.

⁶ См.; напр.: *Sadowski A.* Pogranicze polsko-białoruskie. Tożsamość mieszkańców. Białystok, 1995.

⁷ См.: Центральная научная библиотека НАН Беларуси. Отдел редких книг и рукописей. Ф. 4. Оп. 1.

⁸ Подробнее см.; напр.: *Białokozowicz B.* Między Wschodem a Zachodem: Z dziejów formowania się białoruskiej świadomości narodowej. Białystok, 1998.

⁹ См.; напр.: Загароддзе-І. Матэрыялы Міждзяццплінарнага навуковага семінара па пытаннях даследавання Палесся (Мінск, 19 верасня 1997 г.). Мінск, 1999.

¹⁰ *Бандарчык В.К.* Развіццё беларускай этналогіі ў канцы 50–90-х гг. XX с. // Гумантарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе XX стагоддзя. Мінск, 1998. С. 414.

¹¹ *Пилипенко М.Ф.* Возникновение Белорусии. Минск, 1991.

¹² См.; напр., его объемный труд почти энциклопедического характера «История Беларуси: Становление национальной державности (1917–1922 гг.)» (Минск, 1999), в котором в самой общей форме даны некоторые ответы на главные вопросы политической истории белорусского народа и иных времен.

¹³ См.: Беларусь. Гісторыя этналагічнага вывучэння. Вып. 3. Мінск, 1999.

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ Этнаграфія Беларусі. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 547.

¹⁷ Подробнее см.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М., 1999.

¹⁸ Итоги работы ученых Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая за 1990-е годы отображены в специальном указателе О.Л. Миловой «Труды ученых Института этнологии и антропологии РАН 1990–1998» (М., 1999), насчитывающем около 700 отдельных изданий, книг и брошюр.

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская